

Наталья
Александрова

Наталья Александрова

Сумрачная душа

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Оформление *Анастасии Орловой*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Ранее книга издавалась под названием «Сокровища Ирода».

Александрова, Наталья.

А46 Сумрачная душа : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Роковой артефакт).

ISBN 978-5-17-098135-9

На заре нашей эры Ирод Антипа, тетрарх Галилея и Переи, желая править миром, отнял у слепого старца три кольца вечной власти. Царь не внял предупреждению об опасности, за что и поплатился. Кольца растерялись по свету, разыскивая достойного владельца...

В наши дни один из этих артефактов попадает в руки Дмитрия Старыгина, реставратора из Эрмитажа, и вокруг него начинают происходить загадочные события: умирает коллега, появляются испуганные женщины и сами по себе находятся предметы искусства. Дмитрий ищет ответы на вопросы и сталкивается с необъяснимым. Чего же желают кольца вечной власти?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-098135-9

© Н. Александрова, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Первый раз этот город упомянут за пятнадцать веков до начала новой эры, за пятнадцать веков до того, как вблизи от него, в Вифлееме, в семье бедного плотника родился младенец, которому суждено было перевернуть мир. За пятнадцать веков до того, как пастухи и волхвы из далеких стран пошли вслед за звездой, чтобы поклониться этому младенцу, безымянный каменотес великого фараона Тутмоса высек на каменной скрижали:

В день тридцатый от начала похода Фараон, Сын Неба, владыка обоих Египтов, своей могучей дланью сокрушил врагов и покорил под свою руку город Яффо.

Здесь побывали египтяне и греки, филистимляне и римляне, финикийцы и персы — и каждый из народов оставил на этой земле свой след. Десятки раз завоеватели разрушали город — но он возникал снова, на том же самом месте, возрождаясь, как феникс из пепла. Существует легенда, что именно здесь патриарх Ной построил свой ковчег, в котором спас от Великого потопа всех живых существ, обитающих в мире, — «всякой твари по паре». И название свое город Яффо получил по имени одного из сыновей

Ноя — Яфета, который после потопа заложил на этом месте свой город. Около этих берегов пророк Иона был проглочен китом. Именно здесь, в Яффо, находился в заточении святой Петр. А еще существует легенда, что неподалеку от этих мест была прикована к скале прекрасная Андромеда, спасенная Персеем.

В седьмом веке Яффо был захвачен арабами, в одиннадцатом здесь высадились закованные в броню крестоносцы. Сюда приплывали генуэзские корабли с христианскими воинами и паломниками, поэтому в тринадцатом веке султан Бейбарс разрушил порт, чтобы прекратить нашествия крестоносцев...

Теперь Яффо слился со своим молодым соседом Тель-Авивом в один город, утратив свое значение как порт. Сейчас это район богемы, район художников и артистов. На его узких улочках разместились множество театров и художественных мастерских, туристских лавочек и небольших ресторанов.

А стоит немного отойти от моря, углубиться в лабиринт узких кривых улочек — и вы окажетесь в районе, где расположился старый блошиный рынок — Шук Пишпишим.

Это не рынок в европейском понимании, а город в городе, расползшийся по дюжине улочек и переулков, переполненный крикливой разноязыкой толпой, пропахший пряностями и сандаловым деревом, кофе и корицей, оливковым маслом и куркумой, острой восточной кухней и старинными коврами.

Сюда эмигранты из разных концов планеты привезли семейные реликвии и ничего не стоящие безделушки и выложили их на прилавки бесчисленных лавчонок, чтобы продать таким же многочисленным, разноязыким и шумным туристам.

— Ну и ну! — протянула Нинель. — В жизни не видала столько старья! Барахло какое-то на улицу выставили и радуются!

— Что б ты понимала! — тут же вступила Натэлла. — Это не старье, а антиквариат! Люди за это большие деньги платят!

— За это? — Нинель сморщила нос. — Быть того не может, чтобы за такую ерунду, на помойке выкопанную, большие деньги платили! Или у них от жары совсем крыша съехала!

Дамы разговаривали громко, стараясь перекрычать ровный гул блошиного рынка, куда направились сегодня с утра с целью ознакомления. Они чудно погуляли по берегу моря, в парке Яффо полюбовались на розовогрудых горлинок и удода с хохлом, пообедали в маленьком ресторанчике на площади под часами, после чего неугомонная Натэлла потащила всех на блошиный рынок.

«Наверное, со стороны мы четверо смотримся очень забавно, — мимоходом подумала Марина, — хотя за этими двумя грациями нас с Ларисой и не видно...»

Тех двоих было много. Натэлла, коротко стриженная брюнетка, смуглая и крепко сбитая, всегда в чем-то открытом и ярком, громкоголосая и энергичная, а с ней — Нинель, подруга, обретенная здесь же, на отдыхе. Та была рыжая, белокожая и веснушчатая.

Натэлла предпочитала одежду красных цветов, от малинового до огненно-алого, сегодня на ней было платье с вырезом на спине, цвета революционной гвоздики.

Нинель, наоборот, белокожая и рыхлая, обгорает мгновенно, никакие кремы не помогают, поэтому

от солнца закрывается, на ней ажурная белая шаль с кистями и соломенная шляпа с розовой лентой.

Натэлла жары не боится, бестрепетно подставляет солнцу и без того смуглую кожу.

— Это не солнце! — заявила она в первый же день по приезде, когда вся группа, слегка обалдев от синего теплого моря, яркого света и горячего песка, осторожно располагалась под полосатыми зонтиками. — Вот на Гоа было солнце! И здесь солнце в июле! А сейчас у них осень, вон, даже детей маленьких голышом водят...

После слякотного, темного и унылого петербургского ноября, после неба, вечно затянутого свинцовыми тучами, то, что они видели вокруг, язык не поворачивался назвать осенью.

Две недели промелькнули незаметно, группа ездила на экскурсии, а свободное время каждый старался проводить, как ему хочется. Неугомонная Натэлла заставляла всех осматривать достопримечательности. Сегодня Марине не хотелось никуда идти. Ей хотелось сидеть под ярким полосатым тентом, опустив ноги в горячий песок, потягивая ледяную воду с лимоном, и глядеть на море.

На море никогда не бывает скучно. Волны набегают друг за другом, и каждая волна не похожа на предыдущие, как не похожи друг на друга два разных человека. Можно подойти к воде и поиграть с волнами в догонялки. Можно стоять по колено в теплой воде и рассматривать стайки мелких рыбешек, что шныряют мимо. Можно свободно плыть в упругой соленой воде, можно качаться на волнах, можно нырять... На теплом море можно делать все, что хочется, и никто не станет проявлять к тебе лишней интерес. На море не будешь выглядеть одинокой и неприкаянной, море всех приголубит и обласкает.

В первый раз в жизни Марина поехала отдыхать одна, потому что... потому что вспоминать о том, что случилось, ей сейчас совершенно не хотелось. «А придется!..» — вспомнила она фразу из известного анекдота и горько усмехнулась. И Лариса тут же почувствовала ее настроение, тихонько сжала руку повыше локтя и улыбнулась одними глазами — не горюй, мол, все наладится.

Оказалось, что в их туристической группе полно таких, как она, одиноких женщин, которые, кстати сказать, совершенно не считали себя одинокими. Одна Натэлла чего стоит — не женщина, а настоящая пожарная команда!

Молодой парень арабского вида, весь в черном, несмотря на жару, проскочил мимо, держа над головой маленький круглый столик черного дерева. На столешнице, выгоревшей и облупившейся, просматривался все же тщательно выписанный букет ирисов.

Эти улочки были заполнены самой разной старинной мебелью. Столы и столики, темного, светлого дерева, ореховые и палисандровые, крашенные и лакированные, кресла-качалки с облезлыми спинками, комоды с позеленевшими бронзовыми ручками и давно не выдвигающимися ящиками, сундуки, инкрустированные разными сортами дерева и перламутром, шкафчики и тумбочки немислимых фасонов и даже древний умывальник на кривых ножках, с ящиками, когда-то расписанными цветами, и потрескавшейся фаянсовой раковиной.

— Смотри! — засмеялась Лариса. — «Как из маминной из спальни, кривоногий и хромой, выбегает умывальник и качает головой...» Совершеннейший Мойдодыр! У меня в детстве книжка была, там как раз такой нарисован...

Седой горбоносый араб, уловив ее интерес, тут же вынес на улицу большой фаянсовый кувшин, расписанный такими же цветами, как умывальник.

— Красивый... — протянула Лариса мечтательно, — даже в этих трещинах есть что-то... Набрать на даче охапку простых цветов и поставить где-нибудь в беседке...

— Бери! — предложила Марина. — Если поторговаться, он недорого отдаст! Говорили же нам в гостинице, что тут все можно за десять шекелей купить!

— Ты серьезно? — рассмеялась Лариса. — Да этот кувшин ни в какой чемодан не влезет, придется к самолету на веревочке привязывать или транспортный борт нанимать...

После мебели пошли зеркала — огромные, в деревянных или бронзовых рамах, и совсем крошечные, с серебряными ручками, в которых виден один лишь глаз. Затем попалась пара настоящих магазинов с антиквариатом — фаянсовые напольные вазы, люстры, два китайских фарфоровых подсвечника в виде слонов. Хозяин был вальяжен и толст, на их четверку он даже не взглянул — понял, что не его клиенты.

А потом пошло что-то и вовсе несуразное.

На асфальте перед магазинчиком был выставлен деревянный индеец с трубкой и томагавком. Индеец был в натуральную величину и ярко раскрашен. Далее за индейцем шел американский шериф с огромным револьвером и серебряной звездой, потом две собаки непонятной породы, зебра, кудрявый мальчик в коротких штанишках с толстыми розовыми щеками, а в глубине магазина, на самой верхотуре, стояла деревянная статуя Мэрилин Монро в белом

развевающимся платье, как в знаменитом кадре из фильма.

— Это-то откуда тут взялось? — громко удивилась Натэлла. — Какой китч!

— Не скажи. — Нинель оживилась, такое ей как раз нравилось.

Они надолго застряли у деревяшек, так что Марина с Ларисой решили считать себя свободными от их компании и свернули в один из боковых переулков.

Там продавалась всякая всячина. Медные кувшины с длинными носиками выстроились по росту, почерневшие от времени бронзовые лампы и подсвечники стояли прямо на земле, внутри магазина на стеллаже теснились шкатулочки из ракушек, джезвы гроздьями висели на гвоздиках — от огромной, в которой можно было сварить литр кофе, до крошечной, чуть больше наперстка.

Отдельный шкафчик был заполнен маленькими стеклянными колбочками и пузырьками, рядом притулились старинные аптекарские весы. Марина задержалась возле посуды — разномастные фарфоровые чашечки, позолоченные внутри, а снаружи на каждой своя тщательно выписанная миниатюра.

Лариса в это время вдохновляла себя на поступок.

У входа в лавку стояла большая медная чаша, наполненная мелочами. Чаша раньше, наверное, служила курительницей, а теперь ее приспособили под хранение мелкого товара. Там лежали погнутые и почерневшие серебряные ложки, какие-то фитюльки непонятного назначения, металлические пуговицы с гербами неизвестных стран, затупившиеся ножницы. Поблескивали гребешки, усыпанные разноцветными стразами, цепочки, бронзовые обе-

реги на кожаных шнурках и бесчисленные кольца. Металлические и деревянные, из цельного нефрита, из кожи, из слоновой кости и даже сплетенные из волос.

Лариса глубоко вздохнула и отважно принялась рыться во всем этом хламе.

— Да зачем тебе это? — Марина брезгливо поморщилась. — Еще уколешься и подхватишь какую-нибудь заразу.

— Хочу выбрать что-нибудь забавное на память... Примета такая, ты же знаешь, чтобы еще раз сюда вернуться... — пропыхтела Лариса откуда-то снизу.

Марина пожалала плечами и отошла. Примета так примета. Нужно взять какую-нибудь ерунду и идти отсюда скорее. От шума, от крикливых хозяев магазинчиков, от суеты и от яркого солнца перед глазами стояла розовая пелена.

В том самом шкафчике с аптечными склянками она увидела флакон темно-синего непрозрачного стекла с притертой пробкой. Марина осторожно взяла флакон в руки и стряхнула пыль. Пробка открылась с трудом. Марина поднесла флакон к носу, ожидая почувствовать запах тления или просто ничего, одну пыль.

Аромат был еле уловим, она не смогла бы его описать. Ноздри ее затрепетали, и в голове неожиданно прояснилось. Пелена с глаз спала, все предметы стали видны четко, как нарисованные черной тушью. На миг грязная, пыльная, заставленная хламом лавчонка показалась Марине пещерой Али-Бабы, а все выставленные вещи — волшебными сокровищами из восточных сказок. Вон там стоит лампа Аладдина, потрешь — и явится джинн, вон тот потертый ковер с причудливым орнаментом при

надлежащем управлении может летать, а этот серебряный кинжал наверняка заговоренный...

Через несколько секунд она пришла в себя. Из флакона ничем не пахло, он был пуст уже лет двести, если не больше. По-прежнему ее окружали пыльные старые вещи, и хозяин дремал на скамье, проеденной жучками. В уши настойчиво лез гул огромного скопища людей, перед глазами мелькали красные мухи.

— Восток — дело тонкое... — пробормотала Марина и показала синий флакон хозяину. — Сколько?

Тот забормотал что-то, она покачала головой, тогда он написал на бумажке число 50.

— Пятьдесят шекелей? — подскочила Лариса. — Да вы с ума сошли! Маринка, не вздумай брать, это же грабеж среди бела дня!

Сама она протягивала хозяину сжатый кулак и смотрела так грозно, что он даже заслонился от нее руками. Лариса разжала ладонь, там лежало кольцо. Почерневшее от старости, самой обычной простой формы — довольно широкий ободок из металла. Хозяин очнулся от ступора и сказал, что кольцо стоит сто шекелей.

— Совсем озверел! — взбеленилась Лариса. — От жадности не лопнешь? Возьми себя в руки!

— Да зачем тебе это кольцо, пойдем отсюда, — вяло убеждала ее Марина, — только время теряем...

Лариска не слушала, она закусил удила. Торг шел успешно, вскоре хозяин снизил цену до пятидесяти.

— Десять! — надрывалась Лариса. — Десять шекелей, и ни копейки больше!

Скорей всего, по-русски хозяин не понимал, Впрочем, по этим торговцам никогда не поймешь. Во всяком случае, хозяин был прекрасным физи-

ономистом, он видел, что кольцо Ларисе понравилось, а вторая туристка не боец, не стоит на нее и время тратить.

Лариса была злая, волосы растрепались, она поливала хозяина по-русски разными словами, кидала кольцо на столик и порывалась уходить. Но хитрый араб видел ее насквозь, он мотал головой и сбавлял цену крайне неохотно.

Марине это надоело.

— Вот что, — сказала она решительно, бросая на столик пятьдесят шекелей, — я ухожу. Жалко время на ругань тратить! Ведь последний день сегодня.

И хозяин мигом согласился на сделку. Марина за флакон жутко переплатила, так что он не остался внакладе.

Довольная Лариса тут же надела кольцо на палец — оно пришлась впору.

— Зря ты так, — сказала она, — тут нужно торговаться, иначе тебя уважать перестанут.

Марине вовсе не нужно было, чтобы здесь ее уважали. Откровенно говоря, и синий флакон был ей не нужен. Но воспоминание о непонятном аромате, спрятанном внутри, отчего-то будоражило душу. В конце концов, имеет она право на каприз? Черт с ними, с этими шекелями, все равно завтра домой...

От этого воспоминания настроение не улучшилось, захотелось вновь открыть синий флакон и вдохнуть едва заметный аромат. Но что-то удержало ее — нельзя слишком часто, а то выветрится.

— Пойдем отсюда! — решительно заявила Лариса.

Просто удивительно, как эта женщина умела понимать ее мысли! Впрочем, это не так сложно, мама всегда говорила, что у нее, Марины, все написано на лице.

— Дорогая моя! — говорила мама хорошо поставленным голосом. — Если ты хочешь добиться успеха в жизни, ты должна научиться скрывать свои эмоции! Ну что ж такое, на экзамене ты выглядишь как последняя двоечница — мнешься, облизываешь губы, дергаешь себя за нос. Хорошо хоть, ногти не грызешь! Ведь ты же прекрасно знаешь предмет! Но кто тебе поверит?

Далее те же слова повторялись по поводу успеха у мужчин.

— Что это такое, — сердилась мама, — ты краснеешь, бледнеешь, опускаешь глаза и заикаешься! И когда ты бываешь у него дома — будь же полюбознее с его родителями!

— Они подумают, что я хочу за него замуж! — пыталась отшутиться Марина.

— А разве нет? — удивлялась мама.

Эти разговоры начались, когда Марина окончила институт, миновали все юношеские влюбленности и увлечения, и мама решила, что дочке пора, как она говорила, определиться.

Теперь уже речь не шла об успехе у мужчин вообще, мама конкретизировала свои указания по поводу каждого отдельно взятого индивидуума, который появлялся возле Марины.

Беда была в том, что мама все неправильно понимала, то есть выдавала желаемое за действительное, хотя сама про себя всегда утверждала, что она в жизни руководствуется исключительно здравым смыслом и ставит перед собой только реальные задачи.

Так, любой звонок сослуживца по пустяковому поводу рассматривался мамой как перспективное событие, а уж если Марина выбалтывала ей по глупости, что после корпоративной вечеринки ее под-